

Петербург Анны Ахматовой

Продолжение. Начало в "РМ" №4182.

Это один из примеров, как Ахматова жила в современном ей городе, наполненном прошлым. Таково же отношение ее к тому стихийному бедствию, которое она пережила в 1924 году — наводнению, — она увидела в нем проклятье первой жены Петра Евдокии: *"И царицей Авдотьей заклятый..."*, наводнения 1724 и 1824 годов.

Зимний дворец Ахматова знала как посетительница Эрмитажа. Два других старинных дворца она знала не в парадной, а в их служебной части. Это упомянутый Мраморный дворец и Шереметевский дворец на Фонтанке, в служебном корпусе которого она прожила более четверти века.

Мрачная романтика этого дворца связана с памятью о Прасковье Жемчуговой, крепостной актрисе Шереметевых, ставшей женой П.Б.Шереметева и рано умершей. Конечно, эта давняя история не оставила Ахматову равнодушной. Она все время чувствовала это "соседство": *"Что бормочешь ты, полночь наша? / Все равно умерла Параша, / Молодая хозяйка дворца... / Тянет ладаном из всех окон..."*

Она поселилась здесь через несколько лет после гибели Гумилева. Мысль о насильственной смерти поэта в расцвете творческих сил и лет не оставляла ее: *"Под мостами полыньи дымятся. / Над кострами искры золотятся, / Грузный ветер океанно воеет. / И шальная пуля за Невой / Ищет сердце бедное твое..."* Вот с таким грузом пришла она в Фонтанный Дом.

На следующий год после переезда в Шереметевский дворец ее перестали публиковать — вышло соответствующее постановление ЦИКа. Только перед самой войной, в 1940 году, появилась ее следующая книга, преимущественно из старых стихов. Здесь она пережила страшные 30-е, начало войны и блокады. Здесь она жила, когда началась многолетняя травля ее после Постановления ЦК "О журналах «Звезда» и «Ленинград»". Для Ахматовой Фонтанный Дом — *"это целая симфония ужасов"*.

В 1940 году, начиная работу над "Поэмой без героя" в городе, пережившем разруху и расстрелы 20-х, террор и репрессии 30-х, она возвращается в свою молодость и воскрешает духовную атмосферу дореволюционного Петербурга с

ее неповторимостью, обилием ярких индивидуальностей, творческими поисками — всем, что составило особый аромат того короткого всплеска петербургской культуры, известного нам как ее Серебряный век.

Надо было иметь большое гражданское мужество, чтобы объявить свою причастность к этому заклеяменному советской идеологией и уничтоженному советской репрессивной практикой этапу отечественной культуры. Современный поэт, она несет груз тех далеких 10-х: *"...Я сама, как тень на пороге, / Степегу последний уют"*.

Она осталась одна: *"И не с кем плакать. Не с кем вспоминать..."* Но такова сила ее ретроспективного переживания, что одна за другой появляются карнавальные маски, а нам остается догадываться, кто за ними прячется. *"А для них расступились стены, / Вспыхнул свет, завывли сирены / И, как купол, вспух потолок"*.

Упомянутый в "Поэме" Фауст — Вяч. Иванов, поэт, философ, знаток античности. В 10-е годы им была основана "Академия стиха", с которой полемизировал "Цех поэтов". Обычно по средам у него собирались философы, поэты, художники. Здесь бывали Бердяев, Шестов, Розанов, Мережковский, З.Гиппиус и др.

В начале 10-х в этом доме появился юный П.Флоренский и молодые поэты — будущие акмеисты. У Иванова "на башне" произошло знакомство Ахматовой, которой был тогда 21 год, с 19-летним Мандельштамом. Дом стоит на углу Таврической и Тверской. Нам ним возвышается башня с куполом. По современной нумерации это №25 по Таврической улице. "Среды на башне" — неотъемлемая часть петербургской культурной жизни в начале века.

"Он не ждет, чтобы подагра и слава / Вполыхах усладила его / В юбилейные пышные кресла..." — намек на юбилейные торжества Ф.Сологуба, которые были в его квартире на Разъезжей ул., д. 31.

В предвоенном Ленинграде, пережившем ужасы большого террора, когда с августа 1937 по ноябрь 1938 года было уничтожено 40 тысяч человек, то есть каждый седьмой житель считая младенцев, она воскрешает "петербургскую чертовню" начала века. Всем своим личным опытом и творчеством Ахматова отстаивает неразрывность насильственно прерванных культурных традиций.

В поле зрения Ахматовой не только центр города с его площадями, проспектами и набережными. Вот и далекая окраина: *"Паровик идет до Скорбящей, / И гудочек его щемящий / Откликается над Невой. / В черном ветре злоба и воля, / Тут уже до Горячего Поля, / Вероятно, рукой подать"*. Это далекая окраина вверх по Неве с церковью Богородицы Всех Скорбящих. А невдалеке от Московской заставы место городской свалки получило название Горячего поля. Это тот *"город Питер, что народу бока повытер"*, от которого ни облика, ни жителей не сохранилось.

В 1938 году Ахматова увидела новый страшный лик города. Тогда *"ненужным привеском болтался / возле тюрем своих Ленинград"*. Первой назовем на Арсенальной набережной Выборгской стороны тюрьму №1 "Кресты". В трех кварталах северо-западнее на Нижегородской улице располагается еще одна тюрьма (женская), а примерно в таком же расстоянии на северо-восток на Арсеналь-

"...достоевский и бесноватый, город в свой уплывал туман".

зорвана связь. / Ни в царском саду, у заветного пня, / Где тень безутешная ищет меня. / А здесь, где стояла я триста часов / И где для меня не открыли засов. / Затем, что и в смерти блаженной боюсь / Забыть громохание черных марусь. / Забыть, как посылая хлопала дверь / И вышла старуха, как раненый зверь. / И пусть с неподвижных и бронзовых век / Как слезы, струится подтаявший снег, / И голубь тюремный пусть гулит вдали, / И тихо идут по Неве корабли". Набережная Робеспьера, там, где начинается проспект Чернышевского, ждет.

Санкт-Петербург

Окончание следует.

Русская мысль. - Париж - 1994. - 24-30 июня. - с. 10-11